

додаткових семантичних навантажень, численних індивідуальних конотацій, що дають змогу таким концептам виконувати водночас і узагальнену, й конкретизовану образно-символічну функцію, орієнтовану на загальноприйняті етнічні цінності та пріоритети.

Література

- Бабушкин 1996: Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.
- Жила 1971: Жила, В. Мова й стиль Панаса Мирного (На основі роману “Хіба ревуть воли, як ясла повні?”) [Текст] / В. Жила // Збірник на пошану Івана Мірчука. – Мюнхен – Нью-Йорк – Париж – Вінніпег, 1971. – С. 39.
- Карасик 2004: Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М., 2004. – 390 с.
- Кононенко 1996: Кононенко, В. Символи української мови [Текст] / В. Кононенко. – Івано-Франківськ, 1996. – 272 с.
- Нахлік 2003: Нахлік, Є. Доля. Іос. Судьба. Шевченко і польські та російські романтики [Текст] / Є. Нахлік. – Львів, 2003. – С. 363.
- Сеник 1998: Сеник, Л. Морально-Філософська антитеза “добро-зло” в збірці “Зів’яле листя” І. Франка і літературна традиція [Текст] / Л. Сеник // Іван Франко – письменник, мислитель, громадянин. – Львів, 1998. – С. 378-384.
- Слухай 2002: Слухай, Н. В. Сучасні лінгвістичні теорії концепту як мовно-культурного феномену [Текст] / Н. В. Слухай // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2002. – № 7. – С. 462-470.
- Стебельський 1981: Стебельський, Б. Концепція слави у творчості Шевченка [Текст] // Б. Стебельський. Ідеї і творчість. – Торонто, 1981. – С. 183-193.
- Степанов 2004: Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры [Текст]. – Изд. 3-е / Ю. С. Степанов. – М., 2004. – 992 с.
- Фрейд 1991: Фрейд, З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд Труды разных лет / Пер. с нем. – Кн. 1. – Тбилиси, 1991. Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001. – С. 31.

*В статье на принципах выделения обобщённых семантических констант определено взаимодействие концепта и дискурса в порождении знаков этнокультуры, ментальной образности. Выявлены определяющие идеи-концепты в идиостиле Тараса Шевченко, Ивана Франко, Панаса Мирного, Леси Украинки и др. Освещена специфика концептов **вера, грусть, слава, судьба, надежда, мечта, грех** и т.д.*

Ключевые слова: этнокультура, этнолингвистика, концепт, концептосфера.

*In the article on principles of selection of the generalized semantic constants co-operation of concept and discourse in the generation of signs of ethnoculture, mental imagery is outlined. Determining ideas-concepts in idiosyle of Taras Shevchenko, Ivan Franko, Panas Myrnyu, Lesya Ukrainka is found out. The specific of concepts **faith, sadness, glory, fate, hope, dream, sin** and others like that is reflected.*

Keywords: ethnoculture, ethnolinguistics, concept, conceptual.

Надійшла до редакції 1 вересня 2009 року.

Наталья Коч

ББК К75=81.411-0-3
УДК 811. 161 + 81-112

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩИХ НОМИНАЦИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (репрезентативность категории «гады» в восточнославянской концептуально-языковой картине мира)

У статті розглядається питання семантичного розвитку концептоутворювальних номінацій категорії «гади» на матеріалі писемних пам'яток східних слов'ян XI – XVII ст. Широкий діапазон семантичного та інформаційного поля відповідного концепту відображають його діахронічні репрезентації, пов'язані з раціональним та ірраціональним мисленням наших предків.

Ключові слова: концептоутворювальні номінації, діахронічна репрезентація, категоризація, концепт, когнітивні знання, концептуально-мовна картина світу.

Универсальность человеческого мышления основывается на базовом наборе отношений между элементами действительности, отражаемых в естественных языках. Этот исходный набор представляет

способность человека вычленять те или иные отношения, выделять и обобщать объекты и явления окружающей действительности, классифицировать и на основе синтеза сводить объекты в различные категории. Категоризация, несомненно, является одним из главных способов придания миру упорядоченного характера. Вопрос заключается в том, какова роль мышления и языка в систематизации отношений между фактами реальности?

В когнитивной лингвистике категоризация понимается как «осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий» [Попова, Стернин 2007: 127]. Сознание человека осуществляет категоризацию действительности, классифицируя объекты, исходя из определенных принципов, которые в разные периоды истории развития человечества могли изменяться. Изменения обусловлены различными факторами: характером освоения реальности, колебаниями на аксиологической шкале культурно-семантического пространства конкретного общества в контексте конкретного времени, объемом накопленного опыта, который закрепляется с помощью языковых средств (прежде всего, лексических), и т. п. Категории формируются путем освоения и анализа действительности, результатом чего является установление общего понятия, репрезентирующегося словом, которое в процессе историко-лингвистической селекции становится, как правило, ключевой номинацией концепта. Целью статьи является исследование диахронических репрезентаций категории «гады» и одноименного концепта, закрепившихся в восточнославянской концептуально-языковой картине мира в качестве концептообразующих номинаций.

Установление тождеств и различий в конкретных фрагментах действительности приводит к созданию вербальных классификаций, упорядочивающих отдельные концепты и концептосферу в целом. Дж. Лакофф, исследуя классификаторы, пришел к выводу, что в каждой культуре специфические сферы опыта определяют связи в категориальных цепочках понятий, а система классификаторов отражает экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления [Лакофф 1988: 12-51]. Представители когнитивной лингвистики полагают, что классификационные категории являются элементами концептосферы и упорядочивают действительность и язык, так как благодаря этим классификаторам объединяются и дифференцируются и концепты, и их номинации [Попова, Стернин 2007: 129-130]. Когнитивные классификационные признаки, в отличие от когнитивных классификаторов Дж. Лакоффа, с точки зрения исследователей, «не обязательно выражены языковыми единицами и вообще языковыми средствами» [там же]. При этом ученые замечают, что все классификаторы «остаются обобщающими концептами в концептосфере, лишь будучи представлены в семантическом пространстве языка (выделено – К. Н.) соответствующими семами» [Попова, Стернин 2007: 130].

С позиции теории лингвистической относительности, категоризация трактуется как следствие особого членения языка отдельных фрагментов действительности. Так, о нестабильности классификационных различий мира фауны, запечатленных в различных языковых картинах мира древних и современных немцев, Л. Вайсгербер писал: «Если сравнить все совокупности слов, то выявляется, что имеют место не отдельные «смешения значений», но что весь животный мир в средневерхнемецком строился совершенно иначе, чем в современном немецком языке. Мы не обнаруживаем общего обозначения в средневерхнемецком для животных вообще, только выделение отдельных их групп: с одной стороны, домашние животные – *vihe*, с другой – четыре подразделения диких животных, группирующихся по способу движения: *tier* (бегающее животное), *vogel* (летающее животное), *wurm* (ползающее животное), *visch* (плавающее животное). Это четко членимая картина, но она совершенно не совпадает ни с зоологическими классификациями, ни с состоянием ее в современном немецком языке. Так же, как в отношении современного немецкого языка, мы можем сказать о средневерхнемецком, что и в нем речь идет об особой языковой картине мира» [Вайсгербер 1962: 311]. В понятие «ползающего животного» *wurm* в средневерхнемецком языке входили не только черви (ср. совр. нем. *Wurm* «червь»), но и пауки (*Spinnen*), гусеницы (*Raupen*), змеи (*Schlangen*) и даже драконы (*Drachen*) [там же]. Понятие «червь» в славянской картине мира вошло в семантический объем категории «гады» (ср. *червь* – одно из имен-табу змеи в заговорах): *повстал голод ... хто собѣ могль достат што ку ядению зѣлица травы, албо мышѣ, ужов, гадин, албо иншог яког червечка, называли его счастливым* (Бельск.: 230 – ГСБМ VI: 238). На основании этого, можно предположить, что древним культурам было свойственно оперирование семантически емкими понятиями и категориями, которые только со временем распадаются на отдельные самостоятельные структуры, конкретизирующие знания.

Анализируя функционирование и развитие прототипической номинации в диахронии, мы наблюдаем интересное явление, которое можно определить как переформирование, перегруппировку элементов поля, при котором периферийные компоненты, изначально не обладающие всем объемом понятия, приобретают статус точки когнитивной референции. Они становятся ядром и выделяются вместе со своим ближайшим окружением в самостоятельное поле. Такая возможность возникает по ряду причин, одной из основных причин является наличие в таком компоненте признаков, присущих смежным семантическим полям. Из основного, «родительского» поля уходят самые «слабые», удаленные от ядра компоненты, которые имели общее свойство не как основное, а как факультативное.

Одно из самых объемных семантических полей в общевосточнославянской культуре принадлежало категории «гады», включавшей в себя внушающих ужас и отвращение живых существ. Центральное ядро поля,

которое содержит в себе полный набор признаков данной категории, представлено номинацией *гад* (*гадина*). Входящие в поле лексемы *змея*, *змея* (подчеркнем, что в диахронии данные слова репрезентировали различающиеся понятия, которые можно рассматривать как бинарный концепт ЗМЕЙ/ЗМЕЯ), анализируются нами как понятия, получившие самостоятельный статус доминанты и сформировавшие самостоятельное, очень сильное смысловое поле, несущее одиозную образную и эмоциональную нагрузку.

В древнерусском языке номинация *гад* встречается с XI в. (Срезн. I: 507). Лексема *гад* (др.-русс. *гадь*, ст.-слав. *гадь*, русск. *гад*, *гадина* «змея», *гадкий* (ср. колымск. *гад* «грязь, мерзость»), укр. *гад*, *гадина*, *гадюка*, *гидкий*, *гадитися* «испытывать отвращение», блр. *гад*, *гадзіна*, *гадзюка*, болг. *гад* «гад», «хищный зверь», «вошь», *гадя* «мараю, порчу», диал. «ругаю», сербохорв. *гад*, словен. *gàd*, *gàditi* «унижать, порицать», чеш. *had* «змея», *haditi* «порицать», словц. *had*, польск. *gad* «гад», *gadźina* «змея», *žadzić się* «испытывать отвращение», *žadny* «гадкий, отвратительный», в.-луж. *had*, н.-луж. *gad*) относится к праславянскому лексическому фонду: праслав. **gadъ* «отвратительное животное» исконнородственное лит. *gėda* «стыд, срам», др.-прусс. *gīdan* «стыд», ср.-в.-нем. *guāt* «злой», нов.-в.-нем. *Kot* «грязь, нечистоты» (Фасмер I: 381; Бернекер I: 289; Мейе MSL: 14, 387; ИЭССРЯ: 175). А. Брюкнер предполагает связь славянского *гадь* «змея» с «порицатель» (ср. *гадать*) (Брюкнер KZ: 48, 220) (в олонечких говорах *гадом* называют предсказателя, того, кто *гадает*; повсеместно *змеей* – ведьму, колдунью).

Диахронические репрезентации концепта ГАД отражают исконную внутреннюю форму, выражающую ее широкий семантический диапазон «отвратительное животное», и связь с понятиями «стыд», «срам», «мерзость», «злость». В славянских языках и их диалектах лексема *гад* имела ряд прямых и переносных значений, от конкретных до абстрактных: «ядовитая змея», «гадюка», «мерзкий, плохой человек», «грязь», «мерзость» и т. п. В других индоевропейских языках слова с корнем *гад-* означают «стыд», «позор», «нечистоты», «злостный», «скверный» (ИЭССРЯ I: 175). Интересно отметить, что в болгарском языке одно из значений слова *гад* – «хищный зверь».

Самые ранние письменные памятники фиксируют номинацию *гад* (*гадина*) и ее дериваты в переносном значении (о человеке): *Яко же вражю часть соущю гадъмь осквърни сию Бъ* (Нест. Жит. Феод.: 21); *яко гадину попираему* (ФСт: 145а. XIV в.). Самыми распространенными контекстуальными синонимами номена *гад* в древнерусском языке являлись субстантивы *аспид*, *ехидна*, *змея*, *ящерка* (известные в древнерусской письменности также с XI в.), которые с древнейшего времени употребляются в переносном значении «о злом, лживом человеке». Входит в этот ряд и ядовитый *скорпион*, и некоторые мифические существа типа *василиска*, *смока*, *дракона*. Доминирующее положение в этом метафорическом ряду занимает, несомненно, *змея* как прототипический член категории «гады».

В языческой и христианской культурах гады относились к нечистым хтоническим существам нижнего мира: *Ласица, мышь, коркодилъ земныи ... ящерь, кроториа – сии нечѣши вам от всѣх гад иже на земли* (Лев. XI: 29 – 30. Библ. Генн. – Срезн. II: 8); *Гадный родъ* (Пал.: 11. XIV в.). Негативная универсальность компонентов значений наименования *гад* и его дериватов приводит к расширению семантики лексемы, которой стали называть не только пресмыкающихся, но и других представителей фауны, в основном, непригодных для еды, «нечистых» – земноводных, некоторых грызунов и хищных млекопитающих, змееподобных рыб («змеевых братьев»), червей, гусениц и т. п.: *вни вси гадины, яко есть, псы, мыши, ужси ... ихъ не ели* (Алекс.: 42); *Нъ се яко вражю часть соущю гадъмь [о жабе] осквърни сию* (ЖФП: 52г. XII в.), в том же «Житии Феодосия Печерского» *гадом* называется мышь (т.ж., 53б). Птиц также могли относить к разряду гадов (как диких, так и домашних): *Пруги, лев: аѣ. Единоименность селію, Гадъ птичныхъ различна рода* (Бер.: 226). Имя *гады* «заслужили» вредные насекомые, представляющие опасность для людей и животных: мухи, комары, вши, клопы и т.п. (ср. амурск. обобщающее название мошек, комаров, клещей – *гнус*). Симпатичную стрекозу, имеющую характерную внешность, украинцы и словаки называют *гадячей слугой*, поляки – *гадовым жалом*, *гадовой головой*, чехи – *гадовым оком* (Славянская мифология 1995: 130). Синонимами лексемы *гад* являлись наименования *нечисть*, *погань*, *гнус*, *щур* (ср. *пра-щур* «предок!»), *аспид*, *ядовитый зверь* и др.: *на тоѣ нуци много звѣру ядовитого ... и вт них закушени стѣши умерети ся сподѣвають* (Зб. 107: 95).

Часто образы гадов использовали в религиозных текстах как аллегорические: *ижбы коли не прешиб ѿ камен ногы твои, на ящоркоу и на василиска боудеш настоупал потопчеш леа и змея* (Пс.: 93б. XVI в.); *Гады дѣи животень* (Быт. I: 20 по сп. XIV в.). Все, что относилось к язычеству, часто сопровождалось упоминанием о *гадстве* – мерзости, сраме (ср. ст.-слав. *гажда* «гадити», *гаждение* «злохуленье, ганьба, злореченье, причина, гоненье, каранье, лаянье» – Бер., *гажение* «хуление» – (Срезн. I: 507): *Истрѣзвшеи бо сѧ языци гадать (= посрамляють) коумирскож житиѧ* (Псалт. толк. XII в. – Срезн. I: 507).

Со временем *гадами* стали называть, в основном, пресмыкающихся и ползающих животных («безножных»), а форма ж. р. *гадина* стала абсолютным синонимом лексемы *змея*, которая заняла роль ключевой номинации соответствующего концепта. В дальнейшем признаки всех других представителей класса гадов определяются и описываются в сравнении с основным, прототипическим членом категории – змеей: *но и*

звѣри многы и различны. И змиѣ всѣ(ч)скыѣ и въ многообразныѣ роды питае(т) (ЖВИ: 129а. XIV – XV вв.). При этом устраняются расходящиеся черты для более рельефной демонстрации основного признака (расходящиеся черты очень важны при составлении научной таксономии). Именно змея стала типичным перцептивным представителем холоднокровных и остальных животных, имеющих в большей или меньшей степени свойства гадов.

Возникшие в данном случае противопоставительные отношения между прототипом и одним из видов класса, к которому относится прототип, можно рассматривать как бинарный концепт (ЗМЕЯ/ДРАКОН, ЗМЕЯ/АСПИД и т.п.), а сам прототип как начальный «проект», требующий уточнения и расширения. Прототип находится ближе всего к понятийному ядру концепта, в его микрополе. Все признаки подобного живого существа, не согласующиеся с его изначально заданной когнитивной программой, то есть повторяющиеся отклонения, аномалии приводят к созданию качественно нового объекта, который стремится реализовать свои различия через свое имя (ср. номинации фантастических существ типа *василиск*, *смок*). Все многообразие языковых номинаций связано не только с многообразием именуемых вещей постоянно меняющегося мира, но и с изменениями в коллективном сознании и бессознательном.

В некоторых текстах негативность образа змеи усиливается с помощью по сути тавтологии, которая подчеркивает включенность змеи в класс гадов: *Офите иже скажутсѣ змиѣ славѣщеи ... имоуще же по ѥ ству гадьскоу змию. въ хранілѣ нѣкожъ мѣ почитаютъ* (КР: 363в. 1284 г.). Интересно переосмысление лексемы *змея* под влиянием слова *земля*, в результате которого образовалась форма *змия* (Остр. Ев. 1056 – 1057 гг. – Срезн. I 986) (ср. общеславянское **zъja* «земное пресмыкающееся», «ползающий по земле гад» – (ЕСУМ II: 269; Шанский II: 6; Фасмер II: 100; Преображенский I: 253).

Эпический образ змея родоплеменной эпохи репрезентирует важную оппозицию *свой – чужой* (тогда как библейский образ змея-искусителя – оппозиции *грех – праведность, добро – зло, чистый – нечистый*). В это опасное и сложное время змей олицетворяет степных кочевников (ср. образ *Тугарина Змея*), которые после своих жестоких набегов оставляли выжженное поле, пустые селения. В песнях и легендах славянские богатыри всегда побеждают зло в лице змея. По свидетельствам Б. Рыбакова, отголосками таких легенд являются сохранившиеся в Украине сказания о братьях-кузнецах, которые победили змея и запрягли его в огромный плуг, пропахавши «Змиевые валы», впредь охранявшие славян от набегов кочевников [Рыбаков 2004: 412]. Древнерусские летописцы рассказывали о летящем змее как предвестнике великих событий: *гром бы(с). по заѣ(тре)нии. и вси слышаща. и по то(м) къда(ж) змиѣ видѣша лѣтѣица* (ЛН: 78. XIII – XIV вв. ~ 1214 г.); *Бы(с) знамение. за Днѣпромъ в Киевскои волости. летѣица по нбси до землѣ. тако кригоу ѡгненоу и ѡстасѣ по слѣдоу его знамение въ ѡбразѣ змиѣ великаго* (ЛН: 116. ~ 1425 г.).

Культ змея имеет прочные языческие корни. Несмотря на то, что христианская религия осуждает идолопоклонничество этому животному (*змииници. соуть иже змию славѣще и того хѣа мьнѣше* – КЕ, 254б. XII в.; *Офите ... имоуще же по ѥ ству гадьскоу змию. въ хранілѣ нѣкожъ мѣ почитаютъ* – КР, 363в. 1284 г.; *аци же соу(т) ѥ гоупѣномъ псиѣ главици и змииноглавици и ѡслиѣ главици ...* – Хрон. Г. Амарт., 39г. XIII – XIV вв.), в сознании восточных славян культ змея остается в разных формах на долгие века (см. труды по мифологии А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, Б. А. Успенского и др.).

Оппозиция *верх – низ* через образ змея трактуется в языческие и христианские времена неоднозначно: язычники наделяли змея крыльями, часто огненными (ср. также образ *василиска* как трансформацию искажения, в основе которой лежит данная оппозиция), и в то же время соотносили с низом – змеем живет в воде, пещере, норе. Библия в зависимости от места обитания и двигательным функциям определяет место животного в природной иерархии *верх – низ: Сеи законъ есть о скотехъ и о птицахъ и всѣкого животного движуещосѣ во водахъ и ползающего по земли* (Скар. КЛ: 23б). Крайними точками этой иерархии являются птицы небесные, находящиеся ближе всех существ к Богу, и пресмыкающиеся гады, ползающие на земле и под землей: *погубилъ есть господь богъ всѣко естество иже было на лицѣ всеѣ земли ... ѡт птицъ небесныхъ даже и до всехъ гадовъ ползающихъ по земли* (Скар. КБ: 18б). Человек, являясь господином животных, «примеряет» на себя то роль птицы парящей, то гада пресмыкающегося: *три речи сѣуть трѣдныѣ мне ко познанию ... нѣтъ орлова по воздуху летѣщего, и нѣтъ вѣжа по каменю ползѣщаго* (Скар. ПС: 4б).

В текстах Библии говорится о змее после грехопадения как о ползающем существе, так как греховность тяжела, притягивает к земле и не позволяет подняться в небо: *орла ле(тѣ)ица по воздуху стезѣ не бѣше. змиѣ ползуици по камен(и) следу не бѣше* (Парем. (приписка), 67. 1379 г.). Упоминание то о змее летящем, то о змее ползущем (заметим в связи с вышеприведенным примером: змей в славянской мифологии часто имел вид орла) отражает амбивалентное отношение к животному как существу небесному, а значит жителю верхнего, почитаемого мира, и одновременно существу хтоническому, живущему в нижнем мире хаоса.

Переплетение реальных и вымышленных представлений о змее и всех ее «родственниках» сводится, как мы полагаем, к основному вопросу: первоначально это существо небесное или земное? Современное сознание «отвечает» однозначно: земное. Однако не будем торопиться с ответом. Неоднозначность представлений о змее выражается в том, что его связывают со всеми мировыми стихиями: воздухом, землей, огнем и водой. В эпосе сербов змей является положительным героем, защитником от демонов непогоды. Его святость также велика, как и святость Бога и святых угодников [Славянская мифология 1995: 197]. Явно и «половое» противопоставление *змей/змея*, обусловленное характерными особенностями универсальной оппозиции *мужской/женский* в различных культурах (как правило, на небе – змей, на земле – змея). По сведениям историков, сарматы с их матриархальной ориентацией оставили в славянском устном народном творчестве сказочный образ воинственной Змеихи (а также женах и сестрах Змея, живших в «Девичьем царстве»), отражающий ментальность племени, промышленяющего набегами на богатые земли. Все эти факты обусловили разнообразную и многозначную символизацию образа змея (змеи) в индоевропейском культурном пространстве.

Сам противник Господа, принимающий разные облики, чаще всего выступает в облике змея: *діаволь, который тежъ и лвом менѣетсѧ, и зміемъ, и скорпіемъ, и аспидом* (Каліст. II, 236б). В одном ряду находятся биологические «родственники»: змей и аспид (вид чрезвычайно ядовитой змеи), насекомое скорпион, относящееся к разряду гадов и грозный лев. Змеи могут менять свой облик, уподобляясь разным существам: *змиѣ бываше во ина животъна предлагашесѧ* (ПНЧ: 127б. XIV в.) (ср. способность змея к оборотничеству в славянской мифологии).

Именно в образе змея заложено основное противостояние Господа и его вечного Противника: *злочначный врагъ нашъ дѣяволь. възнесъсѧ паде долоу низъвлчасѧ. неправы стезѧ творѧ. нъ ꙗко змеѧ вьющисѧ* (ПНЧ: 3а. XIV в.). Образ библейского змея (змеи) и его ядовитых «собратьев» занял в литературе религиозного характера особое место: *ѧ хидна змиѧ лютѣиши в гадѣхъ* (МПр: 34. XIV в.); *се дахъ вамъ власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию* [ФСт: 160б. XIV в.]. Грех, который человек должен побороть, чаще всего имеет змеиный облик: *и наоучите(с) ѡ(т)бѣгати тѣхъ ꙗко же ѡ(т) огнѧ. и ꙗко ѡ(т) змиѧ* (ФСт: 13г. XIV в.); *Горе грѣшнѧмъ дѣе. часто какъ шисѧ. и всегда сгрѣшаѧ ши. почто не бѣжиши змѣѣ. ѧ ꙗже губительство вѣси* (КТур: 222 об. XII в. сп. XIV в.); *ꙗко ѡ(т) лица змиева, тако бѣжи ѡ(т) грѣха* (Пч.: 7б об. XIV в.); *гнѣваешисѧ аки змии. вѣржаеши аки скоропиѧ* (ПрЮр: 261в. XIV в.). Все мелкие бесы (искушения) и грешные мысли также имеют образ змея: *изгонимоу томоу бѣсоу. ꙗко дѣмъ видѣющѧ. или ꙗко змию внегода исходитъ* (КР: 390а. 1284 г.); [святой Федор] *оувѣдѣвъ ꙗко змии великъ ѧ стѣ ... помысли ꙗко сице змиѧ оубью. и побѣжю дѣвола* (ПрЛ: 146б. XIII в.).

Проклятый Богом и изгнанный из райского сада змей-искуситель заслужил нелюбовь к себе и своим «сородичам» согласно законам христианской морали: *прокльть естъ ты межѣ всѣми скоты и звѣрѧты земными. на персѧхъ твоихъ ползати бѣдешъ* (Хрон.: 9б). Как проявление абсолютного зла образ змея трансформируется в антагонистический Богу образ дьявола (который в Библии еще называется *зверем*), тем самым стремительно поднимаясь по иерархической лестнице религиозных ценностей: *Бо ползающій по земли змій, зѣ вѣкѡвъ дѣшний нашъ неприѧтел діаволь* (Каліст. II: 339б). В этом случае наблюдается интересное явление, когда любая крайняя когнитивная точка, независимо от знака + или –, находится на вершине иерархии и занимает значимое место в ментальном пространстве.

В образе жестокого змея книжники показывали конкретных исторических лиц, как правило, противников христианства. Метафора *человек – змей* является базовой для всей индоевропейской культуры. Имея языческие корни, она приобретает свое смысловое развитие в средневековой религиозной концептосфере. Как змея поедает в гнезде всех птенцов, так и жестокий Антиох Елифан, известный гонениями на иудеев и ставший прообразом Антихриста, убивает детей: *... лютому змию антиоѡху добрыѧ дѣти закалающе. добрыѧ мѣти не оуступаше* (ГБ: 137в. XIV в.).

Лесть, лукавство и хитрость изначально связаны с библейским образом змея-искусителя: *лѣстью зминою* (ПрЛ: 123а. XIII в.); [избавь от] *многплѣнныхъ сѣтѣи змиинъ* (СБЯр: 175 – 175 об. XIII в.). Хитрость часто приобретает форму змеиного лукавства: *Лютыѧ же и лукавыѧ во змиѧ приложи, хищники же въ волкы* (Хрон. Г. Амарт., 57. XI в.). Однако амбивалентность представлений о змее выражается в отнесении этого животного к мудрым существам: *Іванъ бгословъ смѣшанѧи зминомдр(с)тъ с голоубинымъ цѣломъ ни моудрости възврати(тъ) на лоукавьство ...* (Пч., 6 об. XIV в.). Скорее всего, мудрость, в данном случае, – это вторичное звено в ассоциативном ряду понятий «хитрость», «умудренность опытом». Двойственное отношение к змее (свойственное многим мировым культурам) отражается в письменных источниках и прочно закрепляется в сознании древнего человека: *і змиѧ бѣ мудрѣиши всѣхъ звѣрии. многими луками тогѡ дѣлѧ на*

ползаниѣ осужена бы(с) (МПр, 34. XIV в.); *Зьмиа же бѣ мѣришии всѣхъ звѣрии суци по всеи земли* (Пал., 34а. 1406 г.).

Награждая змею эпитетом *мудрая*, человек рассматривает это определение как синоним адъективу *хитрая*. Именно *хитрым* называется змей в Библии: *Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог* (Быт. 3, 1). Связь *хитрый* → *мудрый* со временем становится традиционной – даже пастыри должны иметь мудрость змеи: *Се азъ посылаю васъ яко овцѣ посредѣ волковъ бѣдѣте мѣри, яко зміа* (ПС, 49 зв. – 50. 1556 – 1561 г.). Одна из основных причин амбивалентного отношения человека к змее кроется в давних языческих корнях представлений о мире фауны. По словам М. Фуко, «история какого-то живого существа – это само существо, взятое внутри всей семантической сети, которая связывала его с миром» [Фуко 1977: 189].

Закономерно, что змея входит в систему бинарных противопоставлений, характерных для большинства библейских персонажей: *ѣ вага бо змию прѣла бѣ въ свѣтъ. а сі змиѣ ва оубичю пороуди х(с)а* (ПрЛ, 8а. XIII в.); *заблоужсьеѣ овчѣ възвести. и оугзвеноѣ ѡ(т) змиа исцѣлиту* (Уст, 222 об. XII/XIII вв.); *і веде м ѡ влень други(ѡ). бѣ ѡни. і стрѣте м ѡ змеі* (СбПаис, 164 – 164 об. XIV/XV вв.) (см также пример выше: *зминомудрость – голубиное тело*).

Фразеологическая система современных восточнославянских языков репрезентирует как языческое, так и христианское представление славян о змее, хотя религиозный оттенок отражен разве что в выражении *змей-искуситель*. Профессор В. И. Кононенко, исследуя национальную специфику символизации, отмечает, что слово *змій* лишь частично сохранило в украинском народном сознании свою библейскую символику [Кононенко 1996: 159 – 161]. Библейская традиция негативного отношения к змею-искусителю и другим представителям гадов усиливает отрицательную коннотацию соответствующих номинаций, которые в современных восточнославянских языках становятся бранными. Номинация *гадина* (гад) функционирует в устойчивых выражениях как абсолютный синоним лексемы *змея* (*змей*): белорус. *змей (гад) падкалодны, гадзіна (гадзюка, змяя) падкалодная* (русск. *змея подколодная*), *гад паласаты, гад паўзучы (гадзіна паўзучая), гад печаны, зялёны змей* (укр. *зелений змій*, русск. *до зеленого змия*), *гадаваць(грэць) змяю на сваіх грудзях* (русск. *отогреть змею на груди*, укр. *пригріти змію (гадюку, гадину) за пазухою (на грудях)*, русск. *извиваться змеей* [СФБМ I: 275 – 277, 502, 503; Молотков: 171; СФСУМ: 225] (последние фраземы, несомненно, связаны с телесным опытом человека).

Вопросы номинирования категорий и концептов связаны с проблемой семантического объема и глубины номинируемых явлений. Содержание отдельной единицы сознания настолько многогранно и многоаспектно, что в начале когнитивно-лингвистического анализа даже трудно себе представить степень разветвленности имплицитных и эксплицитных отношений смыслового поля как конкретного ментального образования в целом, так и его основного репрезентанта в частности. Внутреннее шкалирование категорий объектов природы, связанное с признанием теории прототипов, которую все-таки лучше всего назвать гипотезой прототипов, помогает обозначить основные, ключевые номинации концептосфер в диахронии и синхронии и определить их когнитивный статус. Диахронические репрезентации категорий и концептов показывают всю глубину и широту смыслового поля концептуально-языковой картины мира восточных славян донационального периода развития их языков. Перспективность изучения динамических процессов формирования универсальных и специфичных культурных категорий определяется их значимостью для исследований в области сравнительно-исторического языкознания и когнитивной лингвистики.

Литература

- Вайсгербер 1962: Вайсгербер, Л. О силах немецкого языка [Текст] / Л. Вайсгербер // Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 382 с. – 12500 экз.
- Кононенко 1996: Кононенко, В. Символы української мови [Текст] / В. Кононенко. – Івано-Франківськ: Вид-во «ПЛАЙ», 1996. – 272 с. – Бібліогр.: с. 266 – 269. – 1000 пр. – ISBN: 5-7763-4293-7.
- Лакофф 1988: Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред. и вступ. статья В. В. Петрова и В.И. Герасимова – М.: Прогресс, 1988. – 320 с. – С. 12 – 51. – Библ.: с. 51. – 5650 экз.
- Попова, Стернин 2007: Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с. – Библ.: с. 304 – 311. – 3000 экз. – ISBN: 978-5-17-045103-6; 978-5-478-00346-3.
- Славянская мифология 1995: Славянская мифология: Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Петрухина В. Я. и др. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с. – 30000 экз. – ISBN: 5-7195-0057-X.
- Рыбаков 2004: Рыбаков, Б.А. Рождение Руси [Текст] / Б. А. Рыбаков – М.: АиФ Принт, 2003. – 447 с. – Библ.: с. 443 – 444. – 5000 экз. – ISBN: 5-94736-0381.
- Фуко 1977: Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко. – СПб: А-сад, АОЗТ «Талисман» по: – М.: Прогресс, 1977. – 487 с. – 10000 экз. – ISBN: 5-85962-021-7.

Список сокращений источников

- Алекс.** - Александрия н. XVII в. Рукопись ГПБ. Ф. XVII. 5 лл. 1 – 45б.
- Бер.** – Лексикон словеноросский и имен толкование П. Берынды. – Киев, 1627.
- Бернекер** – Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg, 1908 – 1913.
- Библ. Генн.** – Библия Геннадиевская 1499 г. – Рук. ГИМ, Син. собр., № 1.
- Брюкнер** – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Krakow, 1957.
- ГБ** – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Иракийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954, 213 л.
- ГСБМ** – Исторический словарь белорусского языка. – Дып. 1 – 28, Минск: Наука и техника, 1983 – 2007.
- ЖВИ** – Житие Варлаама и Иосафа. – Рукопись ГПБ, Софийск. собр., № 1365, 255 л.
- ЖФП** – Житие Феодосия, игумена Печерского. – Сб. XII в. московского Успенского собора (ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 2), С. 40 – 96.
- Зб. 107** – Сборник поучительных новелл религиозного содержания сер. XVII в. Рукопись ЦБ АН Литвы, RKF — 107.
- Зб. 752** – Сборник житий святых второй половины XVII в. Рукопись ГИМ, Сб. Синод. 752.
- ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови: в 7 т. – К.: Наук. думка, 1983.
- ИЭСРЯ** – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык – Медиа, 2007.
- Каліст.** – Евангеліе учителное, албо казаня на каждую неделю и свята урочистыи презь святого отца нашего Калиста (Еўе, 1616).
- КЕ** – Древнеславянская кормчая XIV в. / Труд Бушевича В. Н. – СПб., 1906. –Т. 1.
- КР** – Кормчая Рязанская 1284 г., ГПБ, Ф. п. I, I, 402 л.
- КТур.** — Слова Кирилла Туровского из сборников XIV в., Сб. л. 235 об. – 244.
- ЛИ** – Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., сп. ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ. т. 2, изд. 2. – СПб, 1908.
- ЛЛ** – Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. Изд.: ПСРЛ, т. 1. – Л., 1926 – 1927.
- ЛН** – Летопись Никоновская – ПСРЛ, т. IX – XIII. – СПб, 1862 – 1904. Воспр. изд. – М., 1965.
- Молотков** – Фразеологический словарь русского языка / под ред. Молоткова А.И. – М.: Русский язык, 1986.
- МПр** – Мерило праведное, XIV в. ГБЛ, Тр.-Серг., № 15, 348 л.
- Нест. Жит. Феод.** – Житие Феодосия, игумена Печерского. – Усп. сб., 1899.
- Пал. XIV** – Палея. Рукоп. ГПБ, собр. Петерб. дух. акад., А, № 1/119.
- Парем.** – Паремейник, 1271 г., ГПБ, Q. п. I, 13: проложное житие Бориса и Глеба.
- Поуч. Ил.** – Слово о законе и благодати митр. Илариона. – Рукоп. ГИМ, № 509, л. 159 – 170.
- ПрЛ** – Пролог Лобковский 1262 г. – Рукоп. ГИМ, собр. Хлудова, № 187.
- ПНЧ** – Пандекты Никона Черногорца, XIV в. ГИМ, Чуд., № 16, 207 л.
- Пс. XVII** — Псалтырь XVII ст. Рукопись РГБ, № 1017.
- Пч.** – Пчела, XIV – XV вв., ЦГАДА, ф. 181, № 370.
- ПрЮр** – Юрьевский пролог. – Рукоп. ЦГАДА, ф. 381, № 153.
- Преображенский** – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. – 1284 с.
- Скар.** – «Библия русская», издание Ф. Скорины 1516 – 1519 гг.
- Срезн.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусск. языка. Изд. 2. – М., 1958.
- СбПаис** – Паисиевский сборник. – Рукоп. ГПБ, собр. Кир.-Бел., № 4/1081.
- СбЧуд** – Сборник XIV в. – Рукопись ГИМ, Чудов. собр., № 20.
- СбЯр** – Сборник молитв, вт. пол. XIII в., Ярославский областной музей, № 15481, 1; 226 л.
- Фасмер** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель, 2004.
- ФСт** – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в., ГБЛ, МДА, ф. 172(1), № 52. 230 л.
- Хрон.** – Русский хронограф редакции 1512 г. ПСРЛ, т. 22, ч. I. – СПб, 1911.
- Хрон. Г. Амарг.** – Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст изд. ОРЯС РАН. – Пг., 1920 (ГБЛ, Фунд., № 100, 273 л.).
- Шанский** – Этимологический словарь русского языка / Сост. Н. Шанский. Т. I – II. – М.: Изд-во МГУ, 1965 – 1982.

В статье рассматривается вопрос семантического развития концептообразующих номинаций категории «гады» на материале письменных памятников восточных славян XI – XVII вв. Широкий диапазон семантического и информационного поля соответствующего категории концепта отражают его диахронические репрезентации, связанные с рациональным и иррациональным мышлением наших предков.

Ключевые слова: концептообразующие номинации, диахроническая репрезентация, категоризация, концепт, когнитивные знания, концептуально-языковая картина мира.

The article deals with semantic development of concept-forming nominations of the category "reptiles" on the material of the Eastern Slavs' written records of the XI – XVII cc. A wide range of semantic and informational field of the relevant concept category reflects its diachronic representations, connected with our ancestors' rational and irrational thinking.

Keywords: concept-forming nominations, diachronic representation, categorization, concept, cognitive knowledge, conceptual-language picture of the world.

Надійшла до редакції 22 січня 2010 року.

Марина Михальченко

ББК Ш12=411.4
УДК 811.161.2'42

ВНУТРІШНЬОТЕКСТОВА ГРАДАЦІЯ ОЦІНКИ

У статті висвітлено особливості градації оцінки. Схарактеризовано функційну ознаку інтенсивності оцінки. Проаналізовано висхідну та спадну градації позитивної та негативної оцінок. Запропоновано класифікацію внутрішньотекстової градації оцінки за інтенсивністю, місцем на шкалі, видом змін і розташуванням у тексті. Особливу увагу приділено інтерзональній градації оцінки, подано її кількісну характеристику.

Ключові слова: внутрішньотекстова градація оцінки, інтенсивність, інтерзональна градація, оцінка, шкала оцінки.

Багатоаспектні лінгвістичні дослідження останніх років переконливо доводять універсальність категорії оцінки. Свідченням цього є численні розвідки, зокрема роботи Н. Арутюнової, О. Бессонової, О. Вольф, Т. Космеди, Т. Маркелової, В. Телії та ін. У працях Д. Болінджера, О. Вольф, Л. Горелової, Л. Марчук, Е. Сепіра окрему увагу приділено аналізу градації оцінних значень. Актуальним постає вивчення оцінки на рівні тексту (В. Гак, А. Голованевський, Н. Гончарова, А. Загнітко, А. Папіна та ін.), однак питання внутрішньотекстової градації оцінки залишається недостатньо висвітленим. Динаміка як одна з головних ознак категорії оцінки втілює взаємодію людини з навколишнім світом. Зміна оцінних значень, що відбувається поступово, знаходить вияв у тексті. На текстовому рівні градація оцінки набуває додаткових функцій, виступає частиною цілого.

Мета статті – дослідити особливості внутрішньотекстової градації оцінки. Мета зумовлює розв'язання таких завдань: 1) розглянути інтенсивність оцінки; 2) проаналізувати зміну значень на шкалі оцінок; 3) опрацювати класифікацію внутрішньотекстової градації оцінки.

Градуальний характер оцінки цілком органічний: «Про оцінку можна говорити остільки, оскільки існує шкала, до певного градусу якої можна прив'язати дане висловлення через його оцінний предикат» [Горелова 1984: 158]. Градації підлягають і загальнооцінні значення, і частковооцінні: (1) *дуже поганий*, (2) *надзвичайно добрий*, (3) *неймовірно смачний*, (4) *досить ефективний*, (5) *дещо жорстокий*, (6) *не зовсім коректний*. Рухливий характер шкали оцінки зумовлений наявністю в її структурі інтенсифікаторів і деінтенсифікаторів, що ускладнюють структуру оцінки та змінюють місце об'єкта на шкалі. Ці факультативні компоненти оцінної структури втілюють функційну ознаку інтенсивності оцінки. Важливо, що «сутність градаційних відношень міститься в передачі міри якості, міри ступеня, міри дії у зіставленні з нормою» [Колесникова 1993:5]. Під час семантичної градації оцінки відбувається віддалення від норми, за умови інтенсифікації значення, або, навпаки, наближення до норми, при цьому оцінка зазнає деінтенсифікації. Інтенсивність ми розглядаємо як ступінь вияву оцінки, якісно-кількісний показник руху значень на оцінній шкалі по відношенню до норми. Процес інтенсифікації відображає висхідну градацію оцінки, відбувається рух у напрямі зростання міри вияву оцінки: (7) *Я так боюся тих розлук! А це як є діти, то чисте вмирання...* (С. Пушик. Паспорт невідомої співачки); (8) *Живе в бездоганному світі, і, здається, тим дуже щаслива* (Є. Кононенко. Імітація). Деінтенсифікація передбачає рух у напрямі зменшення міри вияву оцінки – спадну градацію: (9) *Що й казати, військо зібралось не зовсім, м'яко кажучи, боєдатне* (А. Кокотюха. Шукачі скарбів); (10) *Про Канни Віра чула вперше, але її серце радісно (наскільки це було можливо в цій моторошній ситуації) затріпотіло* (І. Роздобудько. Пастка для жар-птиці). Аналізовані процеси розгортаються на обох полюсах шкали оцінки, відповідно, посилюватись або послаблюватись здатні як позитивні, так і негативні оцінки.

Шкала оцінки динамічна, відбувається рух у напрямі позитивного та негативного, а також у напрямі збільшення або зменшення ознаки: *дуже добре – добре – досить добре – нормально – досить погано – погано – дуже погано*. При цьому між позитивною та негативною семантикою встановлюються пропорційні відношення: